

**ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ЕПИСКОПА И ВЛАСТИ
В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ НА ПРИМЕРЕ СЛУЖЕНИЯ
МИТРОПОЛИТА ВЕНИАМИНА (ФЕДЧЕНКОВА) В 1948–1958 гг.**

© Ростислав Юрьевич ПРОСВЕТОВ

Общecerковная аспирантура и докторантура им. свв. равноап. Кирилла и Мефодия,
г. Москва, Российская Федерация, аспирант; Тамбовская духовная семинария,
г. Тамбов, Российская Федерация, преподаватель, e-mail: kraevedster@gmail.com

Представлен характер взаимоотношений митрополита Вениамина (Федченкова) с уполномоченными Советом по делам Русской православной церкви при Совнаркоме (Совете министров) СССР в период управления им Латвийской, Ростовской и Саратовской епархиями Русской православной церкви (Московского патриархата). В течение этого периода митрополит Вениамин имел возможность взаимодействовать с семью уполномоченными Совета, с которыми он должен был выстраивать свою ежедневную работу. При этом митрополит везде и неизменно настаивал на невмешательстве государства во внутрицерковные дела, декларируя при этом полное соблюдение действующего законодательства и всех распоряжений существующей власти. Твердость позиции митрополита Вениамина в вопросах неучастия в политических акциях, инициированных государством, его открытая проповедь с церковного амвона христианских ценностей, а также желание увеличить количество приходов и укрепить нравственный облик духовенства во вверенных ему епархиях привели к тому, что «церковная деятельность» митрополита для представителей власти стала «нетерпимой». В результате Совет по делам Русской православной церкви в 1958 г. поставил перед патриархом Алексием I (Симанским) вопрос об увольнении митрополита Вениамина (Федченкова) на покой.

Ключевые слова: Русская православная церковь; отношение церкви и государства; патриарх Алексий I; митрополит Вениамин (Федченков); митрополит Николай (Ярушевич); Совет по делам РПЦ.

Митрополит Вениамин был посвящен в епископы в 1919 г., участвовал в Белом движении, а затем служил в Европе и в Северной Америке, где возглавлял экзархат Московского патриархата. Опыт его архипастырского служения вне пределов Советского Союза оказался весьма важен, т. к. по возвращению на Родину он имел возможность сравнить степень церковной свободы за границей, с той, что была к тому времени в Советской России.

В 1948 г. митрополит Вениамин вступил в управление Латвийской епархией. К этому времени облик епископата Русской православной церкви Московского патриархата претерпел значительные изменения. На 1 января 1948 г. в СССР насчитывалось 70 архиереев. Причем за 1941–1947 гг. было посвящено в епископы 52 человека, или 74,35 %. А из числа посвященных в архиерейский сан в дореволюционное время оставалось всего 3 человека. Подвергались в разное время репрессиям до 1940 г. 32 архиерея, или 46 %. Многих новых епископов этого периода поставили из числа овдовевших священников [1]. Также немалое число из новопоставленных епископов ранее пребывали в обновленческом расколе. По этому

поводу еще в 1945 г. в письме к митрополиту Сергию (Тихомирову) митрополит Вениамин, посетивший Поместный собор в Москве, упоминал, что среди новых епископов в России немало бывших «обновленцев». Чая возрождения Церкви, он писал: «Что же касается «духа», то (если говорить правду) мне лично хотелось бы больше пламени» [2, д. 64, л. 97].

Так или иначе, но те из епископов, которые возвращались из заключения, либо были недавно рукоположены или перешли из обновленческого раскола в лоно православной церкви, были вынуждены управлять своими епархиями под строгим контролем уполномоченных Совета по делам Русской православной церкви. Это государственное учреждение, призванное изначально осуществлять роль связующего звена между церковью и правительством, к концу служения митрополита Вениамина в СССР превратилось в жесткий орган атеистического контроля всех сфер духовной жизни и лиц, в нее вовлеченных [3]. На должность уполномоченных назначались бывшие сотрудники КГБ. На характер их деятельности влиял целый комплекс факторов: давление местных органов власти, указания Совета, позиция управляю-

щего епархией и активность верующих, наконец, собственное видение решения вопросов в церковной сфере [4, с. 36].

В первые же годы своего служения в Советском Союзе митрополит Вениамин вынужден был расстаться со многими своими илюзиями, с которыми возвращался из-за границы. Уже в 1951 г. первый заместитель председателя Совета по делам Русской православной церкви С.К. Белышев докладывал председателю совета Г.Г. Карпову, что митрополит Вениамин «представляет церковь в Советском Союзе как какое-то государство в государстве, которое проводит какую-то свою, особую линию» [5, л. 30]. Проводить «свою линию» митрополиту Вениамину, конечно, позволить не могли. Вскоре это привело к конфликту митрополита Вениамина с рижским уполномоченным Н.П. Смирновым. Дело в том, что митрополит был весьма активным архипастырем. Он желал открыть в Рижской епархии богословские курсы, наладить выпуск собственного епархиального журнала, увеличить количество насельниц в Рижском женском монастыре, укреплять латышские приходы и многое другое. Согласно должностной инструкции, уполномоченный должен был выступать посредником между епископом и государственными органами в тех или иных вопросах, которые у него возникали в ходе управления епархией. Так, в инструкции от 1947 г. говорилось, что «уполномоченный не должен обещать епископу того, чего он не знает или не может сделать. А раз обещал, надо исполнить». И далее, «чтобы не портить взаимоотношений с епископом, уполномоченному следует в тех случаях, когда у него нет полной уверенности в возможности удовлетворения ходатайства епископа, или сказать ему, что ответ будет дан в следующий раз после консультации с соответствующими инстанциями, или же прямо ответить, что удовлетворить просьбу нет возможности» [6, с. 9]. Уполномоченный Н.П. Смирнов выбрал иную тактику поведения. Он старался избегать прямых контактов с митрополитом Вениамином, чтобы ничего не обещать ему и ни в чем не помогать. Свои отказы на те или иные просьбы управляющего епархией уполномоченный передавал ему через секретаря епархии протоиерея Николая Смирнова. А зачастую, избегая своего посредничества, направлял митрополита напрямую в те или иные государственные органы для решения возникающих вопросов.

Таким образом, на все свои многочисленные инициативы митрополит Вениамин был вынужден получать либо отказы, либо невнятные ответы. Государственные учреждения ссылались на уполномоченного, а уполномоченный ссылался на государственные учреждения. Также митрополит Вениамин не мог без согласования с уполномоченным принять на работу или уволить сотрудника епархии. Для Владыки это было явным свидетельством вмешательства уполномоченного во внутрицерковные дела.

Не имея возможности самостоятельно и свободно управлять епархией, митрополит Вениамин 6 октября 1948 г. направил на имя председателя Совета Г.Г. Карпова докладную записку с копией патриарху Алексию. Эту записку он сопроводил особым докладом под заголовком «Беглые заметки об общих вопросах церковно-общественной жизни» [5, л. 18]. В этих заметках он подводил итог своему пребыванию в Советском Союзе. Митрополит Вениамин писал, что декларируемые как «вполне нормальные» и «установившиеся взаимоотношения между церковью и государством» в СССР на самом деле не имеют никаких «установленных и узаконенных норм». То есть «совершенно неизвестно: где начинается область «внутрицерковной жизни» и где кончается «невмешательство государства во внутрицерковную деятельность». «Что [же] касается православной церкви в Латвии, – сообщал он, – то я удостоверяю, что такой грани совершенно не существует. Какой бы вопрос я или епархиальный совет ни начинали обсуждать, а тем более проводить, мы почти во всех случаях прежде всего и больше всего становимся перед вопросом: «как отнесется и позволит ли [это сделать] Уполномоченный по делам православной церкви в Латвии?» И мы решительно не имеем никаких данных о дальнейшем направлении и конце наших предположений. А иногда, на основании опытов прошлых решений его, мы заранее вынуждены отказываться от проведения мер, кажущихся нам нужными для пользы церкви» [5, л. 10]. Митрополит Вениамин утверждал, что главным направляющим деятелем церковной жизни в епархии является не архиерей и не Епархиальный совет, а местный уполномоченный. Конечно, канонически это было неправильно. Приведя несколько примеров в подтверждение своих слов, он просил дать ему возможность свободной работы, какую

он имел за границей [5, л. 12об.]. При всем при этом митрополит Вениамин считал важным не усложнять, а только улучшать взаимоотношения церкви с властью. «И прошу верить, – говорил он, – что мы (т. е. церковь. – *Р. П.*) искренни в своих намерениях. Мы желаем добра и Отечеству. И такая установка отношений поможет нам, церкви, бороться против вредителей, как церковных, так и государственных» [7, л. 180]. Для этого, по мнению митрополита, необходимо было создать «нормальные» отношения государства и церкви, которых на практике не наблюдалось. Свои слова о лояльном и искреннем отношении к власти митрополит Вениамин неизменно подтверждал ссылками на Священное Писание (Мф. 22, 21; Ин. 19, 10-11; 1 Петр. 2, 11-21; 4, 12-19; Рим. 12 и 13 гл.; Ефес. 6, 5-9; Кол. 3, 22-25; 4, 5-6; 1 Тим. 2, 1-5; 6, 1-8; 2 Тим. 2, 23-26; Тит. 2, 9-15; 3, 1-9; Евр. 10, 32-39; 12, 1-16). Он был уверен, что в благосклонном отношении к власти православная церковь действует согласно Слову Божию. В этом митрополит убеждал и духовенство.

После письменного обращения митрополита Вениамина в Совет по делам Русской православной церкви в Латвию был командирован заместитель председателя Совета С.К. Бельшев. Проведя детальное расследование, вину за сложившееся положение в Латвийской епархии он возложил на епархиального секретаря протоиерея Николая Смирнова. По словам Бельшева, до приезда митрополита Вениамина в Ригу протоиерей Смирнов был «полновластным хозяином» в делах Рижской епархии, т. к. прежний архиепископ Виленский и Литовский Корнилий, временно управлявший епархией, редко приезжал в Ригу. С прибытием митрополита Вениамина положение протоиерея Смирнова оказалось «второстепенным и зависимым». Оказавшись посредником между уполномоченным и митрополитом, тот стал блокировать инициативы правящего архиерея, что, в свою очередь, вполне устраивало и уполномоченного Совета, т. к. главной его задачей было не допустить активизации церковной жизни в республике.

После выяснения всех обстоятельств дела протоиерей Николай Смирнов был отстранен от должности епархиального секретаря, а уполномоченный получил из Совета дополнительные инструкции и разъяснения по своей работе. В дальнейшем митрополит

Вениамин мог разрешать все вопросы напрямую с уполномоченным, и отношения между ними вскоре нормализовались. Митрополиту Вениамину было разрешено провести краткосрочные курсы подготовки молодых священнослужителей, а также издать несколько номеров епархиального журнала. В итоге, разрешенный конфликт стал рассматриваться как некое недоразумение.

После смерти уполномоченного Н.П. Смирнова новый уполномоченный А.А. Сахаров также довольно скоро отметил высокую активность латвийского архипастыря. В своем отчете в Совет Сахаров сообщал, что «митрополитом Вениамином проводится активная деятельность по увеличению и укреплению состава духовенства, путем посвящения и обучения новых священнослужителей, замены престарелых и переподготовке молодых» [5, л. 103]. Несмотря на то, что митрополит Вениамин неоднократно пытался наладить теплые и даже дружеские отношения с уполномоченным Сахаровым, последний вел себя отстраненно и даже с неприятием к управляющему епархией. Для Сахарова и его служебной карьеры фигура митрополита Вениамина была неудобной в силу своей самостоятельности и неподконтрольности. Не имея рычагов влияния на митрополита напрямую или через духовенство, уполномоченный Сахаров старался обратить внимание Совета на его якобы антисоветскую деятельность. Он докладывал в Москву о том, что «митрополит Вениамин продолжает поддерживать активную переписку как с адресами в Советском Союзе, так и за границей. Поддерживает переписку с духовенством, репрессированным органами советской власти, находящимся в заключении, и оказывает ему материальную помощь. При возвращении из ссылки духовенства, отбывшего срок наказания, – оказывает ему материальную помощь и назначает на доходные приходы <...> оказывает материальную помощь семьям священнослужителей, репрессированных органами государственной безопасности республики за антисоветскую деятельность», и т. д. [2, д. 712, л. 64] Уполномоченный также докладывал, что «...настоятели приходов Русской православной церкви Латвии, не без ведома митрополита Вениамина, практикуют пособия церковному активу, чем ставят отдельных лиц в зависимость от приходов и привлекают их к активной деятельности в

своих, враждебных нам идеологически, интересах» [2, д. 712, л. 65].

Болезненным вопросом для Сахарова явилось нежелание митрополита Вениамина участвовать в т. н. «борьбе за мир». Дело в том, что активная внешнеполитическая деятельность Московской патриархии в годы Второй мировой войны и послевоенный период сделала Русскую православную церковь одним из факторов международной политики (О внешнеполитической деятельности Московской патриархии в период 1943–1948 гг. см.: [8, с. 99-125; 9, с. 574-586; 10, 11]). К середине 1948 г. международная обстановка в Европе резко изменилась в худшую для Советского Союза сторону. Нависла угроза реальной военной конфронтации с военными блоками Запада, к чему Советский Союз не был вполне готов. Решению этой проблемы способствовало набирающее обороты международное движение за мир. К активному участию в этом движении советское руководство настойчиво привлекало представителей Русской православной церкви. С мая 1949 г. в «Журнале Московской патриархии» даже появился постоянный раздел «В защиту мира», где основным публикатором выступал митрополит Николай (Ярушевич). В том же году он был избран членом Советского комитета защиты мира и стал главным апологетом Московской патриархии в движении за мир (Об участии митрополита Николая (Ярушевича) в «борьбе за дело мира» см. [12, с. 400-429]).

Митрополит Вениамин совершенно открыто критиковал участие представителей Русской церкви в этом движении, рассматривая возможность мира на земле исключительно с богословской, а не с политической точки зрения. В конце 1950 г. Сахаров сообщал в Москву: «Заслуживает серьезного внимания высказывание митрополита Вениамина об участии духовенства в борьбе за мир, в частности в организациях и комитетах Сторонников Мира. При одном из визитов в ноябре 1950 г., касаясь этого вопроса, митрополит Вениамин высказался, что состояние мира не зависит от воли людей, за мир нельзя бороться, за него только можно молиться. В частности он указал, что выступление митрополита Николая [Ярушевича] по вопросам мира, в той части, где он указывает, что «борьба за мир есть осуществление заветов Христа» – канонически неправильна. Из других источников мне известно, что сре-

ди приближенного духовенства митрополит Вениамин допускал более резкие высказывания против участия духовенства в международном движении за мир» [5, л. 32]. Для прояснения позиции управляющего Латвийской епархии по этому вопросу нужно было его самого привлечь к «движению за мир».

26 декабря 1950 г., согласно указаниям Совета по делам Русской православной церкви, при встрече с митрополитом Вениамином Сахаров передал ему «просьбу» Совета написать для выступления по радио две статьи, в т. ч. и статью «Православная церковь Латвии в борьбе за мир». Со слов уполномоченного, митрополит Вениамин «без колебаний» обещал исполнить эту просьбу [2, д. 831, л. 8]. И действительно, в начале 1951 г., в канун Рождества Христова, митрополит распространил по епархии письменное приветствие с заглавием «Вместо поздравления», в котором подробно остановился на вопросе «мира». Отталкиваясь от слов евангельского благовестия: «Слава в вышних Богу и на земле мир, в человецех благоволение», – он обращал внимание своих читателей и слушателей на то, что мир на земле уже наступил. И этот мир есть «мир Божий», «мир Христов». По его словам этот мир совсем не такой, как мир земной. Это благодатный мир – «мир от Духа Святого, Который и назван Господом Духом Утешителем» [2, д. 831, л. 15]. «И если и проповедники христианские, – продолжал Владыка, – доселе говорят, что мира на земле нет, то это явный признак, что и они «не знают» по опыту своему мира от Утешителя Духа; и путают мир земного мира с миром Христовым, Утешителевым: «а если же кто Духа Христова не имеет, то [тот] и не Его», не Христов (Рим. 8, 9)» [2, д. 831, л. 16]. Почему же тогда вокруг войны и всемирная вражда? – спрашивал он: «И в наши времена потрясаются общества; продолжаются международные и междуусобные разногласия и войны, ереси и расколы... Где же мир на земле, возвешенный ангелами? Где же мир, принесенный Богочеловеком на землю? Где же мир, который возвещает Евангелие и проповедь апостолов?.. «Весь мир во зле лежит», – сказал Апостол (1 Иоанн, 5,19)» [2, д. 831, л. 16-17]. Дело в том, продолжал митрополит, что существует мир внешний и мир внутренний, духовный: «И поэтому всякий истинно верующий и исполняющий заповеди Христовы, всякий истинно кающийся грешник имеет внутри себя мир Христов,

которого никакие внешние треволения мира сего нарушить не могут, если он сам своею волею не вступит снова на путь беззаконий и греха, коими отгоняются от нас Благодать Утешителя. Это «Царство – не от мира сего», а от Христа Самого. «Христос есть МИР наш» [2, д. 831, л. 17]. Этими подлинно христианскими словами митрополит Вениамин заключил свое послание.

Данное послание было расценено уполномоченным как «прямое выступление против дела мира» [2, д. 831, л. 9]. Он тут же докладывал в Совет: «Считаю необходимым, учитывая активизацию антисоветской проповеднической деятельности митрополита Вениамина, вылившуюся в прямое выступление против дела мира, – митрополита Вениамина из Латвийской ССР – удалить» [2, д. 831, л. 10]. Понимая недостаточное основание своих претензий к управляющему епархией, рижский уполномоченный смог заручиться поддержкой секретаря ЦК КП(б) Латвии Я.И. Калнберзина. Тот в письме к Г.Г. Карпову от 31 января 1951 г. сообщал: «...учитывая особенности Латвийской ССР как сравнительно молодой советской республики, расположенной в пограничном районе, Центральный комитет КП(б) Латвии считает дальнейшее пребывание митрополита Вениамина во главе православной церкви Латвии нежелательным и просит вашего содействия об отозвании его из Латвийской ССР. О принятых вами мероприятиях прошу поставить в известность ЦК КП(б) Латвии» [2, д. 831, л. 33-34].

Становилось понятно, что возникший до того конфликт митрополита Вениамина с бывшим уполномоченным Смирновым явился не исключением, а закономерностью. На встрече в Москве в 1951 г. с С.К. Бельшевым митрополит Вениамин заявлял о том, что свободы церкви в Советском Союзе не существует, а наоборот, есть открытое гонение на нее [3]. Свои слова он иллюстрировал примерами таких гонений в школе, в армии, через средства массовой информации. «Все эти факты, – заключал митрополит, – а их можно было бы привести очень много, убеждают меня в том, что здесь не только нет веротерпимости, а наоборот, во всей политике проводится подчеркнутая антирелигиозная линия» [5, л. 30]. Такое положение, по словам митрополита Вениамина, вызывало у него глубокую скорбь, но лояльного отношения к власти он по-прежнему не менял и сложив-

шуюся ситуацию расценивал как испытание Божие, к которому нужно относиться по-христиански – с терпением и смирением. Владыка также признавал, что Русская православная церковь и ее епископат вынуждены приспособливаться к таким условиям. Однако сам он весьма последовательно ограничивал степень проникновения государства в дела церковного управления. Епархиальному духовенству митрополит Вениамин разъяснял, что под лояльностью власти надо понимать нейтральность, невмешательство Церкви и духовенства в мирские дела. Впоследствии, уже будучи Саратовским епископом, на слова одного священника, что такое понимание лояльности недостаточно и что лояльность означает нечто большее, что она должна являть свое согласие с политикой советского государства, а потому необходимо принимать в ней посильное участие, митрополит отвечал категорическим несогласием, заявляя, что своих взглядов на этот вопрос изменить не может [2, д. 1368, л. 2].

В результате того, что на Рижской кафедре митрополиту Вениамину оставаться уже было невозможно, на заседании Св. Синода Русской православной церкви 27 марта 1951 г. было озвучено решение Патриарха Алексия I (Симанского) перевести митрополита Вениамина на Ростовскую кафедру. Уже в начале апреля 1951 г. митрополит Вениамин покинул Ригу и приступил к служению на новом месте в Ростове-на-Дону.

С ростовским уполномоченным Г.Д. Амарантовым у митрополита Вениамина по его словам складывались отношения «деловые и вполне нормальные» [5, л. 35]. Митрополит по-прежнему считал своим долгом относиться к представителю власти «с должным почтением, христианским смирением и личным доверием» [5, л. 35]. В своем отчете в Патриархию он писал: «По многим моим принципиальным соображениям я считаю необходимым относиться к советской власти с полным послушанием в государственных вопросах; ибо верую, что она тоже исполняет некую волю Божию, для нее Промыслом предназначена в мире. И даже, хотя бы иногда правительственные меры и распоряжения советской власти казались нам и трудными, и болезненными; но их нужно принимать нам смиренно и послушно, как распоряжения власти (не касающиеся веры); а иногда и как Божие для нас испытание в поучение и проявление нашего христианства. Иное отноше-

ние к власти являлось бы грехом для церкви, знаком нашей духовной «несвободы» ([см.:]1 [послание апостола] Петра, 2 гл[ава], 12 с[тих]) и нелюбви, и просто скажу – нехристианской установки. И хотя бы мы в таком случае «прикрывались» мыслью о Боге, о церкви, о «свободе», это было бы прикрытием «зла» в нас [самих] (ст. 16)» [5, л. 35].

Казалось бы, отношения ростовского уполномоченного и митрополита складывались без особых конфликтов. Однако в Совете по делам Русской православной церкви выражали недовольство работой уполномоченного Г.Д. Амарантова. Ему делали неоднократные замечания в том, что доклады в Совет он посылал «слабые», излишне много цитировал митрополита Вениамина и выступал пассивным наблюдателем тех процессов, которые происходили в Ростовской епархии. «Все это говорит о несерьезном отношении т[оварища] Амарантова к своей информации и недооценке отдельных фактов, характеризующих положение церкви в области», – говорилось в отчете Совета [2, д. 1042 л. 43]. Во второй половине 1954 г. Амарантов попросил Совет освободить его от работы, и вскоре эта просьба была удовлетворена [2, д. 1150, л. 55].

Новым уполномоченным по Ростовской области был назначен И. Усанов. Он характеризовал митрополита Вениамина как «фанатика». По словам Усанова это проявлялось в том, что всю свою деятельность митрополит направлял «на усиление и расширение влияния церкви среди верующей части населения». Как и Усанов, уполномоченный по Каменской области Матершев, с которым митрополит Вениамин стал работать после разделения Ростовской области на две части, также подтверждал, что у митрополита было одно желание – «укрепить, расширить религиозное влияние среди населения». При этом и Усанов, и Матершев признавали, что решениям гражданских властей митрополит Вениамин подчинялся и все даваемые ему поручения выполнял «аккуратно и своевременно» [5, л. 54-55]. Он охотно подписывался на государственный заем, принимал активное участие в подписке под воззванием Всемирного совета мира и всем благочинным давал указания разъяснять верующим о необходимости участвовать в этих подписках. Матершев свидетельствовал, что в решении деловых вопросов он никогда не замечал и не ощущал со стороны митрополита и священ-

нослужителей епархии какого-либо сопротивления. Более того, митрополит Вениамин по его словам «всегда охотно, лояльно выполнял советы, пожелания и указания уполномоченного Совета». Однако активность митрополита в его церковной деятельности, проповедничество и открытое противостояние усилению антирелигиозной пропаганды в СССР вскоре вновь привели к напряженным отношениям с представителями местной власти.

В октябре 1955 г. по всем храмам Ростовской епархии митрополит Вениамин разослал особый доклад, который озаглавил как «Утешительное слово» [13; 14]. Этот доклад состоял из тринадцати небольших глав с заключением, в которых митрополит говорил о том, что православная вера жива во всех слоях советского общества, несмотря на антирелигиозную кампанию. Более того, он призывал христиан не бояться гонений и укреплял свою паству в вере. Вскоре после этого «выступления» перед митрополитом Вениамином был поставлен вопрос о переводе в другую епархию. По возвращении из Москвы 12 ноября 1955 г., куда он был вызван специально для беседы, митрополит Вениамин сообщил о своем уходе [5, л. 59]. Указом Патриарха Московского и всея Руси Алексия I (Симанского) от 30 ноября 1955 г. (№ 2030) митрополиту Вениамину определено было быть митрополитом Саратовским и Балашовским [14, с. 10].

Новое назначение связывалось с тем, что в Саратове в то время действовала духовная семинария, и поэтому там требовался архиерей с высшим богословским образованием и опытом педагогической деятельности. Однако такая формулировка была лишь предложением. Как раз в это время вынашивались планы по закрытию семинарии в Саратове. Известно, что на встрече с заместителем председателя Совета С.К. Бельшевым митрополит Николай (Ярушевич) 11 сентября 1956 г. высказывался против планов патриарха по «укрупнению» духовных школ, согласно которым должны были быть закрыты Ставропольская и Саратовская духовные семинарии [12, с. 393].

В Саратове митрополит Вениамин не изменил своего взгляда на взаимоотношения церкви и государства. В своих высказываниях в узком кругу он даже позволял себе критиковать выступления Генерального секретаря ЦК КПСС Н.С. Хрущева. В частности,

на четвертой сессии Верховного Совета СССР Хрущев упомянул о том, что американские деятели в своих «рождественских посланиях» заявляют, что они «молятся» за изменение существующего строя в странах «народной демократии» (т. е., в странах Восточно-Европейского блока). И что это желание вызвано только тем, что американские деятели хотят возвращения в этих странах капиталистических порядков, возвращения капиталистам заводов и фабрик, возвращения земли крупным земельным магнатам» [16, с. 30-31]. Митрополит Вениамин охарактеризовал эту речь как грубую. «Разве американский народ не может [искренно] молиться?», – недоумевал Владыка [5, л. 60-61].

По итогам личных бесед и различных доносов уполномоченный по Саратовской области В. Филиппов в начале 1956 г. направил Г.Г. Карпову и высшим лицам Саратовской области секретное информационное письмо, в котором докладывал о том, что митрополит Вениамин в общении с духовенством «высказывает политически неправильные мысли» [2, д. 1368, л. 1] и что «такая позиция митрополита Вениамина ставит его в один ряд с американскими и прочими колонизаторами» [12, д. 1368, л. 3]. В своем отчете за второе полугодие 1955 г., который подавался в Совет в начале 1956 г., Филиппов также сообщал: «За короткий период пребывания в Саратове митрополит Вениамин проявил себя как махровый реакционер, монархист, для которого чужды советский народ, родина, патриотизм, о чем он намекает и даже говорит в беседах со священниками, преподавателями и воспитанниками семинарии <...> По моему глубокому убеждению в лице митрополита Вениамина мы имеем дело с плохо замаскированным врагом советского государства и народа» [2, д. 1368, л. 5]. Из этого Филиппов делал единственный вывод: «Необходимо немедленно освободить митрополита Вениамина от обязанностей управляющего Саратовской епархией, т. к. я убедился, что с таким «управителем» нельзя установить нужного для дела контакта» [2, д. 1368 л. 7-8]. Несмотря на это, в Совете по делам Русской православной церкви все же настаивали на урегулировании отношений между уполномоченным и управляющим епархией. Филиппову разъясняли, что первоочередной задачей уполномоченного должно быть оказание нужного влияния на всю деятельность церкви и, главным образом, на ду-

ховенство и епархиального архиерея, как на центральную фигуру: «У вас с Вениамином, – разъясняли в Совете, – сложились такие отношения, которые исключают возможность какого-либо влияния на него с вашей стороны в нужном для нас направлении <...> Приведенные данные в вашем докладе о деятельности Вениамина ничего нового в его характеристику не вносят, и его личность для Совета ясна. Однако всех этих материалов недостаточно для того, чтобы Совету самому ставить вопрос перед патриархом об увольнении Вениамина на покой. Это лучше всего сделать руками самого духовенства (недовольные Вениамином, среди них очевидно имеются), которому необходимо написать лично патриарху о нелестных отзывах о нем Вениамина, и патриарх должен будет на это как-то реагировать. А если патриарх спросит мнение Совета о Вениамине, тогда мы и скажем свое слово. Такое решение вопроса будет дипломатичнее и для Совета удобнее. Если вы сумеете осторожно и умело организовать это дело – это и будет результат вашей работы с духовенством» [2, д. 1476, л. 14-14об.].

Однако «осторожно и умело организовать дело» Филиппов не мог. Напротив, в октябре и ноябре 1957 г. на саратовского уполномоченного стали поступать жалобы о его грубом вмешательстве во внутрицерковные дела. Для того, чтобы проверить эти жалобы на месте, в Саратовскую область с проверкой выехал старший инспектор Совета А.М. Пашкин. По итогам проверки в докладной записке на имя Г.Г. Карпова Пашкин сообщал о том, что «митрополит каким был, таким, в основном, и остался в своей церковной деятельности, ничего нового нет» [2, д. 1476, л. 37]. Далее Пашкин признавал, что саратовский уполномоченный без надобности обострил свои отношения с управляющим епархией и по ряду вопросов его информация о деятельности митрополита Вениамина была недостаточно объективной. Пашкин сообщал, что жалобы на Филиппова о его вмешательстве в церковные дела подтвердились: «Например, Вениамин в присутствии т. Филиппова заявил мне, что он ни одного священника не может назначить, переместить или уволить, не согласовав предварительно свои церковные мероприятия с уполномоченным. Когда я попросил Вениамина привести факты он их назвал» [2, д. 1476, л. 38]. Далее выяснялось, что управ-

ляющий Саратовской епархией был вынужден по указанию Филиппова уволить своего секретаря и казначея, и что все церковные вопросы митрополит должен был согласовывать с уполномоченным. Повторялась та же ситуация, которая складывалась в начале служения митрополита Вениамина на Латвийской кафедре.

На встрече с заместителем начальника управления КГБ по Саратовской области Мякишевым, который также был недоволен фигурой митрополита, А.М. Пашкин привел следующий аргумент, что «к оценке деятельности Вениамина нужно подходить не с точки зрения саратовских интересов, а общегосударственных», т. к. перевод митрополита Вениамина в другой город принесет мало пользы. Но Мякишев отвечал, что вопрос так не рассматривает, и, по его мнению, митрополита Вениамина совсем «нужно устранить от церковной деятельности» [2, д. 1476, л. 41]. Заведующий отделом пропаганды и агитации Саратовского обкома КПСС Черных высказал аналогичное мнение, согласное также с мнением первого секретаря Саратовского обкома Денисова, о том, что церковная деятельность Вениамина в Саратовской области нетерпима. Черных просил Совет по делам Русской православной церкви не только рассмотреть, но и окончательно решить вопрос об удалении митрополита Вениамина из Саратова.

В итоге, Пашкин пришел к выводу, что сложившаяся ситуация вряд ли будет исправлена, и взаимоотношения между уполномоченным и управляющим епархией «правильно построены» уже не будут. В связи с этим, он рекомендовал Совету поставить перед патриархом вопрос «об устранении митрополита Вениамина от руководства церковной деятельностью». Поверх этого текста, по-видимому, рукой Карпова на документе было написано: «Согласен» [2, д. 1476, л. 42].

26 декабря 1957 г. Совет постановил рекомендовать патриарху Алексею «направить митрополита Вениамина на пенсию» [2, д. 1576 л. 2]. 1 февраля 1958 г. митрополит Вениамин записал в дневнике: «Перемены жизни. Мне предстоит в близком будущем (м[ожет] б[ыть], через 1–2 недели) оставить Саратов и уехать, по постановлению патриарха (точнее: за ним стоящих), в Псково-Печерский монастырь «на отдых». М[ожет] б[ыть], «временно» (едва ли). А м[ожет] б[ыть]? Церковь Божия учит нас, что все со-

вершается по милостивому Промыслу Господню. Слава Богу за все» [16, с. 125].

Вскоре, 20 февраля 1958 г. митрополит Вениамин был уволен на покой с официальной формулировкой «по состоянию здоровья» с местом пребывания в Псково-Печерском монастыре. Можно сказать, что все те годы, которые митрополит Вениамин провел в Советском Союзе, лишний раз подтвердили неизменность его позиции в выстраивании отношений с государственной властью. Полагая границы государственного вмешательства в вопросы церковного управления, он в своих во взаимоотношениях с представителями власти всегда видел только одно решение – смирение и терпение. 28 октября 1957 г. митрополит записал в своем дневнике: «Ясно было мне: нужно смиряться. И в особ[енности] перед уполномоченным. Другие все – подвластны мне, один он – начальник! Это – несомненно; это Крест мой; но нужно терпеть, терпеть и терпеть» [17, с. 123]. Служение митрополита Вениамина было по-настоящему апостольским служением представителя гонимой церкви. Чистота этого служения оказалась нетерпима и неприемлема для представителей власти, которые стремились подчинить церковь своим интересам. Итог известен. При всей своей лояльности митрополит Вениамин уже не мог более служить в качестве управляющего какой-либо епархией Русской православной церкви. Через два с половиной года, 4 октября 1961 г. он скончался и был похоронен в пещерах Псково-Печерского монастыря.

1. Федоров А.А. Некоторые аспекты положения архиереев Русской православной церкви с 1917 по 1980-е гг. // Богослов.ру. URL: <http://www.bogoslov.ru/text/3562472.html> (дата обращения: 24.12.2013).
2. ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. Р-6991. Совет по делам Русской православной церкви при СНК (СМ) СССР. Оп. 1.
3. Онищенко А.Б. О роли и значении Совета по делам Русской православной церкви в 1943–1953 годах // Церковь и время. 2011. № 55. URL: <http://www.mospat.ru/church-and-time/717> (дата обращения: 24.01.2014).
4. Чумаченко Т.А. Совет по делам Русской православной церкви при СНК (СМ) СССР. 1943–1965 гг.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2011.
5. ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 7. Д. 27. Личное дело митрополита Саратовского и Балашовского

- Вениамина (Федченкова Ивана Афанасьевича).
6. «Разработку Луки продолжаем...»: Святитель Лука (Войно-Ясенецкий) и Крымская епархия. 1946–1961: сборник документов. М., 2011.
 7. РГАСПИ (Российский государственный архив социально-политической истории). Ф. 17. Центральный комитет КПСС. Оп. 16. Д. 6.
 8. *Волокитина Т.В.* Москва и православные автокефалии Болгарии, Румынии и Югославии (к проблеме восприятия советской модели государственно-церковных отношений в 40-е гг. XX в.) // *Власть и церковь в СССР и странах Восточной Европы (дискуссионные аспекты)*. М., 2003.
 9. *Чумаченко Т.А.* Внешнеполитическая деятельность Московской патриархии 1943–1946 гг. // *Свобода совести в России: исторический и современный аспекты: сборник статей*. М., 2004.
 10. *Болотов С.В.* Русская православная церковь и международная политика в 1930-е – 1950-е годы. М., 2011.
 11. *Якунин В.Н.* Внешние связи Московской патриархии и расширение ее юрисдикции в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Самара, 2001.
 12. *Сурков С.А.* Митрополит Николай (Ярушевич). М., 2012.
 13. *Просветов Р.Ю.* Утешительное слово митрополита Вениамина (Федченкова) к Ростовской пастве // *Тамбовские епархиальные ведомости*. 2013. № 4 (64). С. 38-43.
 14. *Просветов Р.Ю.* Утешительное слово митрополита Вениамина (Федченкова) к ростовской пастве // *Богослов.ру*. URL: <http://www.bogoslov.ru/text/3099477.html> (дата обращения: 24.12.2013).
 15. Назначения и перемещения архиереев // *Журнал Московской Патриархии*. 1956. № 1.
 16. *Хрущев Н.С.* Речь на четвертой сессии Верховного Совета СССР четвертого созыва (29 декабря 1955 г.). М., 1956.
 17. *Вениамин (Федченков), митр.* «За православие помилует меня Господь...»: дневниковые записи. СПб., 1998.
-
1. *Fedorov A.A.* Nekotorye aspekty polozheniya arkhierееv Russkoy pravoslavnoy tserkvi s 1917 po 1980-e gg. // *Bogoslov.ru*. URL: <http://www.bogoslov.ru/text/3562472.html> (data obrashcheniya: 24.12.2013).
 2. GARF (Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii). F. R-6991. Sovet po delam Russkoy pravoslavnoy tserkvi pri SNK (SM) SSSR. Op. 1.
 3. *Onishchenko A.B.* O roli i znachenii Soveta po delam Russkoy pravoslavnoy tserkvi v 1943–1953 godakh // *Tserkov' i vremya*. 2011. № 55. URL: <http://www.mospat.ru/church-and-time/717> (data obrashcheniya: 24.01.2014).
 4. *Chumachenko T.A.* Sovet po delam Russkoy pravoslavnoy tserkvi pri SNK (SM) SSSR. 1943–1965 gg.: avtoref. dis. ... d-ra ist. nauk. M., 2011.
 5. GARF. F. R-6991. Op. 7. D. 27. Lichnoe delo mitropolita Saratovskogo i Balashovskogo Veniamina (Fedchenkova Ivana Afanas'evicha).
 6. “Razrabotku Luki prodolzhaem...”: Svyatitel' Luka (Voyno-Yasenetskiy) i Krymskaya eparkhiya. 1946–1961: sbornik dokumentov. M., 2011.
 7. RGASPI (Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv sotsial'no-politicheskoy istorii). F. 17. Tsentral'nyy komitet KPSS. Op. 16. D. 6.
 8. *Volokitina T.V.* Moskva i pravoslavnye avtokefalii Bolgarii, Rumynii i Yugoslavii (k probleme vospriyatiya sovetskoy modeli gosudarstvenno-tserkovnykh otnosheniy v 40-e gg. KhKh v.) // *Vlast' i tserkov' v SSSR i stranakh Vostochnoy Evropy (diskussionnye aspekty)*. M., 2003.
 9. *Chumachenko T.A.* Vneshnepoliticheskaya deyatel'nost' Moskovskoy patriarkhii 1943–1946 gg. // *Svoboda sovesti v Rossii: istoricheskiy i sovremennyy aspekty: sbornik statey*. M., 2004.
 10. *Bolotov S.V.* Russkaya pravoslavnaya tserkov' i mezhdunarodnaya politika v 1930-e – 1950-e gody. M., 2011.
 11. *Yakunin V.N.* Vneshnie svyazi Moskovskoy patriarkhii i rasshirenie ee yurisdiktii v gody Velikoy Otechestvennoy voyny 1941–1945 gg. Samara, 2001.
 12. *Surkov S.A.* Mitropolit Nikolay (Yarushevich). M., 2012.
 13. *Prosvetov R.Yu.* Uteshitel'noe slovo mitropolita Veniamina (Fedchenkova) k Rostovskoy pastve // *Tambovskie eparkhial'nye vedomosti*. 2013. № 4 (64). S. 38-43.
 14. *Prosvetov R.Yu.* Uteshitel'noe slovo mitropolita Veniamina (Fedchenkova) k rostovskoy pastve // *Bogoslov.ru*. URL: <http://www.bogoslov.ru/text/3099477.html> (data obrashcheniya: 24.12.2013).
 15. *Naznacheniya i peremeshcheniya arkhierееv // Zhurnal Moskovskoy Patriarkhii*. 1956. № 1.
 16. *Khrushchev N.S.* Rech' na chetvertoy sessii Verkhovnogo Soveta SSSR chetvertogo sozyva (29 dekabrya 1955 g.). M., 1956.
 17. *Veniamin (Fedchenkov), mitr.* “За православие помилует меня Господь...”: дневниковые записи. СПб., 1998.

Поступила в редакцию 26.12.2013 г.

UDC 281.93+947.084

BISHOP AND POWER RELATIONS IN SOVIET UNION BY EXAMPLE OF SERVING OF METROPOLITAN BENJAMIN (FEDCHENKOV) IN 1948–1958

Rostislav Yuryevich PROSVETOV, Ss Cyril and Methodius School of Post-Graduate and Doctoral Studies, Moscow, Russian Federation, Post-graduate Student; Tambov Theological Seminary, Tambov, Russian Federation, Lecturer, e-mail: kraevedster@gmail.com

The nature of the relations of Metropolitan Benjamin (Fedchenkov) and authorities of the Council for Russian Orthodox Church Affairs during Metropolitan Benjamin (Fedchenkov) work in the Latvian, Rostov and Saratov dioceses of the Russian Orthodox Church (Moscow Patriarchate) is considered. During this period Metropolitan Benjamin interacted with seven authorized by the Council with whom he built his work. Everywhere and invariably Metropolitan insisted on non-interference of the state in internal church issues. At the same time he has declared full compliance with applicable laws and all orders of the existing authorities. Metropolitan Benjamin was firm in matter of non-participation in political actions, which were undertaken by the state. He openly preached from the pulpit Christian values, his desire to increase the number of parishes and to strengthen the moral character of the clergy in his dioceses lead to that “church activity” of Metropolitan Benjamin became intolerable for the authorities. As a result in 1958 the Council for Russian Orthodox Church Affairs rigidly set before Patriarch Alexis (Simansky) the issue of dismissal of Metropolitan Benjamin (Fedchenkov) on rest.

Key words: Russian Orthodox Church; Church-state relation; Patriarch Alexis I; metropolitan Benjamin (Fedchenkov); metropolitan Nicholas (Yarushevich); Affairs’ Council of Russian Orthodox Church.